

# СТАТЬИ

---

## ОРИЕНТАЛИЗМ КАК ИДЕЙНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ КОНЦЕПТ ТВОРЧЕСТВА ПИСАТЕЛЯ, МЫСЛИТЕЛЯ И ЖУРНАЛИСТА ВС.Н. ИВАНОВА

*С. И. Якимова*

**Ключевые слова:** Вс. Н. Иванов (1888–1971), ориентализм, идейно-художественный концепт, универсализм творчества.

**Keywords:** Vs. N. Ivanov, orientalism, ideological and fiction concept, universal creative activity.

DOI 10.14258/filichel(2022)2–01

### **В**ведение

Творчество писателя, мыслителя и журналиста Иванова, рассматриваемое как единый текст, актуализирует главные линии философских, идейно-эстетических исканий русской литературы и журналистики XX века в социокультурном контексте. Приверженность Иванова ориентализму отражает одну из главных тенденций глобального социокультурного процесса XX века в его поликультурной направленности и предвосхищает многие из актуальных процессов межкультурной коммуникации [Якимова, 2016, с. 10].

Ориентализм наследия Вс. Н. Иванова отличается многоаспектностью, обусловившей особую его продуктивность. С одной стороны, ориентализм во многом способствовал максимально полной самореализации творческой индивидуальности автора. Присущее Иванову особое внимание к вещному миру и предметному пространству как значимым обстоятельствам социокультурной жизни общества и жизни отдельного человека было отмечено еще критиками в 1920-е годы [Струве, 1928, с. 4]. Приверженность Иванова ориентальным принципам письма, предметной детальности и убедительной конкретике в отображении явлений действительности и жизни человека, отражая особенности авторского восприятия действительности, способствовала формированию и развитию индивидуального стиля этого художника слова. Данное качество художественного стиля Вс. Н. Иванова отражает одну из фундаментальных

особенностей восточной культуры, ее приверженность созерцательности [Цзяо, 1994, с. 8].

Важным фактором в формировании индивидуального стиля писателя стал синтез науки и искусства, заметно проявившийся в его универсальном творчестве периода эмиграции (1922–1945). Главной работой Вс. Н. Иванова-евразийца в этот период стало его философско-публицистическое эссе «Мы: культурно-исторические основы русской государственности» (Вс. Иванов, 1926). Свой особый интерес к теме востока Иванов обосновывает в предисловии к этой книге: «*Только перетряхивая полным пересмотром историю Востока, найдем мы самих себя*» (Вс. Иванов, 1926, с. 13). При этом журналистскую, публицистическую задачу Иванов считает приоритетной, отмечая, что «*книга написана не ученым-историком, а журналистом*» (Вс. Иванов, 1926, с. 12).

Тема востока вошла в сознание будущего писателя и журналиста со страниц газетных публикаций в начале XX века, когда, будучи учеником костромской классической гимназии, ощутил притягательность далеких, но необъяснимо манящих его точек на карте мира, находящихся на востоке. Увидеть мир востока своими глазами, чтобы с горечью для себя понять глубокую ошибочность детских впечатлений, Иванову было суждено много позднее. «*Китайцы — варвары! — кричали газеты. — Убийцы! Дикий народ! Убивают миссионеров! Язычники, не знающие Христа! О, бедный Христос!*» (Вс. Иванов, 1987, с. 54). Иванов, проживший в Китае в период эмиграции более двух десятилетий, близко узнал культуру и особенности уклада жизни народа этой страны и своим творчеством как журналист, поэт и прозаик внес значительный вклад в процесс интеграции культуры востока и запада, Китая и России.

### **Ориентализм в поэзии**

«Беженская поэма», зародившаяся в сознании Вс. Н. Иванова весной 1920 года, отразила его вхождение в художественно-поэтическое постижение темы востока через творчество А. Блока. В этой поэме Иванов разворачивает глубоко лирические переживания драматической истории России, включающей период татаро-монгольского нашествия, Петровскую и Екатерининскую эпохи, трагические события XX столетия.

Юношеские мысли о востоке, давняя тяга к изучению Китая, его древней истории и экзотического быта получили в эмиграции благоприятную для Вс. Н. Иванова возможность осуществиться. Объективные и субъективные предпосылки, волею судьбы соединившись в этот период жизни Вс. Н. Иванова, получили художественную, в том числе поэтическую, реализацию.

В начале 1920-х годов, на пороге эмиграции, Иванов опубликовал в дальневосточной периодике свои первые поэтические отклики на знакомство с культурой Китая. Его стихи «Голубой дракон» и «Китайцы» отражают размышления лирического героя о двух главных сторонах человеческой жизни: труде как основе физического, одухотворенного идеей гармонии человека и природы существования, и празднике, воплощающем духовное содержание жизни. В центре внимания автора «Голубого дракона» — главные в культуре востока образы дракона и праздника фонарей, испокон веков одухотворяющие духовно-нравственные ценности народа (*«Как само небо древний, // Царственный синий дракон»*) (Вс. Иванов, 1921а, с. 2). Синий дракон, как олицетворение голубого неба, покровительствующего человеку в его духовно-созидательной деятельности, занимает центральное место в картине мира человека востока. Синий дракон — это еще и символ весны, пробуждения природы, гарант будущего. Стихотворение передает тоску лирического героя об умиротворяющей гармонии, которая оставалась недостижимой и далекой от реалий российской действительности, раздираемой последствиями социокультурных потрясений, вместе с тем наполненной неустанными, пытливыми исканиями научной и творческой интеллигенции России. Это стихотворение актуализирует фундаментальные ценности бытия: жизнь человека в гармонии с природой, одухотворенность труда. Художественный мотив тоски дополняет гармонизирующий отношения человека и мира пафос стихотворения, наполняя его экзистенциальным звучанием.

Стихотворение «Китайцы», опубликованное в том же приложении к владивостокской газете «Русский край», дополняет картину мироощущения человека востока представлениями о высокой ценности духовного содержания жизни, знакомя читателя с одним из главных, традиционных праздников Китая, праздником фонарей: *«Китайцы ходят с фонарями, // С большими, красными, как луны, // Что над китайскими полями // Вписали огненные руны»* (Вс. Иванов, 1921б, с. 2). Праздник фонарей, имея тысячелетнюю историю, непосредственно связан с плодородием, главным занятием народа-земледельца. Это стихотворение передает незыблемое для культуры востока представление о жизни как извечной гармонии материального и духовного: *«Суровы древние законы, // И потому покой их мирен: // Ведь вокруг селений и кумирен // Змеятся горы, как драконы»* (Вс. Иванов, 1921б, с. 2). Красными фонарями люди воздают благодарение Небу, как основе мироздания, и Дракону, его олицетворяющему. Через антитезу черного и белого автор передает драматизм противостояния разрушительного Запада и со-

зидательного, вселяющего веру в будущее Востока: *«Здесь страх пред будущим излишен, // Здесь серебристой ширмой Запад // Еще чеканит чернью лапы // Душистых, крупных, белых вишен»* (Вс. Иванов, 1921б, с. 2). Автор стихотворения, разделяя мироощущение лирического героя, открывающего для себя восток, завершает стихи жизнеутверждающим пафосом, передающим глубинную веру в торжество жизни, исполненной света и добра: *«И слушая тысячелетий // невнятный, но понятный голос, // Они, доверчивые дети, // Выращивают пышный колос»* (Вс. Иванов, 1921б, с. 2).

Вс. Н. Иванов одним из первых обратился в поэзии к вопросам японской культуры и литературы, которые стали притягательными для многих русских эмигрантов на востоке. «Японские стихи», написанные в традиционной силлабической форме японской поэзии, ритмика которой основана на чередовании определенного количества слогов, вышли в свет в 1921 году в воскресном приложении к газете «Русский край» (№ 137), издаваемой во Владивостоке. В этих стихах, посвященных главным стихиям жизни природы, вечным ценностям человеческой жизни и культуры, Иванов продолжил знакомить читателя-соотечественника с мало известным ему миром востока.

Публикация включает шесть катренов. Символика названий через сложные ассоциации и словесную игру отражает эстетический идеал культуры востока через главные историко-культурные символы: очарование вещей, красота одинокой печали, сокровенная красота. Эти стихи передают новаторскую и смелую попытку русского поэта, находящегося на пороге эмиграции, открыть для себя и своих соотечественников существо японской эстетики, поэтики, мировосприятия и мирозерцания, тем самым раздвинуть не только географические, но и историко-культурные, нравственно-эстетические, философские горизонты.

В первом стихотворении Вс. Н. Иванова («Слива»), символика цвета которого (голубое и лиловое) олицетворяет утро и весну, пробуждение дня и природы, воплощен один из ведущих флористических образов японской культуры и литературы, имеющий символику женского начала мира:

*Белые цветы, как бабочки на тонких ветках,*

*<...>*

*Фарфоровая Луна на зеленом небе.*

*Слива цветет* (Вс. Иванов, 1921г, с. 1).

Безрифменный стих японской поэзии рождает послечувствие: глубокий отзвук поэзии затихает не сразу, словно круги на воде от брошенного камня. Умение восхищаться сиюминутной красотой как ментальная осо-

бенность мировосприятия японцев, отраженная во многих видах искусства Японии, находит свой отклик в стихах Иванова, обнажая в лирическом герое общие корни с культурой востока. В стихотворении «Красота» автор знакомит российского читателя с тремя основными культами эстетического поклонения японцев. Это — цветы, луна, снег.

*Красота*

*Луна холодна на синем шелке неба, над черной зонтичной сосной;  
Холодны цветы, изысканы изящные вырезы без запаха;  
Всего холоднее белый снег на пурпуровых воротах храма.  
Эти три холодные вещи весьма красивы (Вс. Иванов, 1921г, с. 1).*

У японцев не принято говорить прямо о чувствах, в стихах о любви превалирует ассоциативный план, недосказанность, незавершенность, сердечный отклик. В стихотворении Вс. Н. Иванова «Любовь» нет никакой повествовательности, только изобразительность, ассоциативно передающая сложный внутренний мир лирического героя:

*Любовь*

*Серебряные нити дождя во тьме, на электрическом свете,  
Вонзаются в кустики брызг, тоже блестящих.  
Плоский зонтик, черная крыша, соединяет их обоих.  
Стоят прижавшись (Вс. Иванов, 1921г, с. 1).*

Неотъемлемой частью японской культуры является игрушка, в том числе кукла, олицетворяющая аксиологические ценности национальной культуры. Одно из рассматриваемых стихотворений («Игрушка») навеяно воображаемой встречей лирического героя в торговой лавке с одним из таких атрибутов Японии — куклой самурая. С этим образом в японской культуре связаны представления о личности воина, не только обладающего умением владеть мечом, но и постоянным стремлением к нравственному и духовному совершенствованию. Актуализация темы физического здоровья человека, духовно-нравственного начала в человеческой природе дополняется флористическим образом-метафорой цветущей вишни, олицетворяющей женское начало мира. Цветы в японской культуре являются одним из трех культов эстетического поклонения, а через очарование вещей, как один из трех историко-культурных символов Японии, передается целостное представление об эстетическом идеале:

*Игрушка*

*Под зеленым светом газа в длинной лавке,  
Среди зеркал и гребенок стоит игрушка:  
Разодетый самурай под цветущей вишней  
Чертит на дереве заветное имя (Вс. Иванов, 1921г, с. 1).*

Главные стихии природы, вечные ценности человеческой жизни и культуры востока являются концептуальными темами японских стихов Вс. Н. Иванова [Якимова, 2018, с. 271].

Во второй книге журнала «Врата» (Шанхай, 1935), учрежденного участниками объединения «Восток», «Японские стихи» Вс. Н. Иванова вновь увидели свет, отражая устойчивость интереса к теме востока не только их автора, но и многих русских эмигрантов, обреченных на жизнь в изгнании в окружении другой, восточной, культуры. Через название периодического издания («Врата») редакция русского эмигрантского журнала отразила направленность издания на знакомство россиян с востоком, идею продуктивности диалога культуры Запада и Востока, России и Китая [Штейн, 1990, с. 232].

Уже в эмиграции, в Китае, Иванов продолжил поэтическое изучение темы востока, актуализируя проблему диалога культуры Китая и России в условиях адаптации россиян-изгнанников к жизни в окружении новой для них культуры [Раев, 1994; Печерица, 1999]. В эмигрантском журнале «Врата» в Шанхае в 1934 году были опубликованы стихи Вс. Н. Иванова «Сумерки» и «Харчёвка», в которых с максимальной глубиной автор воссоздает картину жизни востока, интегрирующей в себе быт и бытие, высокое и приземленное, утилитарное. Начальные, высоко поэтичные пейзажные строки стихотворения «Сумерки» (*«Из голубого в палевый // Спустился цвет небес. // Опаловый, эмалевый // На нем горы отвес. // Изогнутое дерево // Прорисовало кисть»* //), соединяясь с образами реальной жизни человека труда, переходят в социально-бытовую зарисовку, воссоздающую незатейливый быт и уклад жизни китайских крестьян (*«Лазорево и хмелево // В полях дымки свились. // И близко над оврагами // Из глины битый дом // Уж светится бумагою // Заклеенным окном»*) (Вс. Иванов, 1934а, с. 10). Широкая палитра красок передает богатство эстетического мировосприятия лирического героя, особенности таланта и стиля писателя Иванова, тяготеющего к подробному, точному описанию предметов и явлений действительности, детальному воссозданию картин жизни и бытия. Тяготение к философичности помогает Иванову точно передать тонкие нюансы национального менталитета человека восточной культуры.

Стихотворение «Харчёвка» самим названием переносит читателя в драматический мир реальной, бытовой, плотской жизни. В нем Иванов обнажает свои первые подступы к художественному исследованию мира чувств и переживаний эмигранта, прошедшего через огонь и кровь Гражданской войны в России: *«В фарфоровом тазу при входе стынет кровь; // Кругом лежит рубиновое мясо»* (Вс. Иванов, 1934б, с. 11). Осо-

бенности мироощущений лирического героя, эмигранта, и зависимости человека восточной культуры Иванов передает через антитезу глаголов (танцует и гудит). Умиротворяющие эпитеты (меланхоличный, томный, круглый) отражают систему воззрений человека востока, гармонического бытия всего живого и сущего: *«Огонь под очагом танцует и гудит, // Кот изгибается в меланхоличной лени...»* (Вс. Иванов, 1934б, с. 11).

Стихи Вс. Н. Иванова о культуре востока дополняют отечественную поэзию ориентальной тематики новыми реалиями жизни, развивая традиции русской классики, приверженной теме востока [Кириллова, 2015, с. 117]. Обогащая русскую поэзию новыми образами, ориентальная поэзия Вс. Н. Иванова способствует развитию межкультурной коммуникации, динамично и продуктивно развивающейся в современном глобальном мире [Якимова, 2012, с. 219].

### **Ориентализм в журналистике**

В начале 1920-х годов, проживая во Владивостоке и активно участвуя в общественно-политической жизни региона как журналист, Иванов получил возможность первой встречи со страной юношеских мечтаний, с Китаем. Поездка в Пекин в 1920 году к генералу Хорвату послужила основой его первого журналистского опыта ориентальной тематики, воплотившегося в большой, растянувшейся на несколько лет, работе над путевым очерком «Пекин». Первая редакция очерка была опубликована в литературно-художественном приложении к газете «Русский край» в 1920 году. В тот период Иванова *«привела в себя древняя мудрость Пекина»* (Вс. Иванов, 1995, с. 37). Вот только некоторые из размышлений Вс. Н. Иванова над жизнью, навеянных встречей с Пекином: *«...у людей революция уже девять лет, но все как будто остается на своих местах — в огромной стране царит осторожное спокойствие умиротворенного труда <...> Все их исторические переживания занесены в государственные анналы»* (Вс. Иванов, 1995, с. 38). В этих уроках сфокусированы главные проблемы универсального творчества Вс. Н. Иванова, его философской и эстетической системы.

Своим путевым очерком журналист Иванов открывает читателю-отечественнику новые географические горизонты. Загадочные, полные очарования пейзажи востока заключали в себе удивительные для россиянина картины жизни природы и человека в их гармонии, дарили полузабытые за годы войны моменты радости от встречи с прекрасным, распрямляли души людей, открывая новые горизонты бытия. Красочная и яркая картина столицы Китая, Пекина, сочетает изящество и величие с монументальностью природы, с размеренностью и умиротво-

ренностью китайского быта. Благодаря таланту художника и публициста читатель проникается умиротворением китайской жизни. Автор очерка восхищается мудростью и величием китайской культуры. Описывая богатство и красоту внутренней жизни города, он находит в этом приметы, близкие культуре автора-россиянина. Два культурных мира России и Китая и похожи, и различны одновременно. Но, показывая сходство Китая и России, Пекина и Москвы, автор задается вопросом: *«Какими же узами связаны мы, русские, с Китаем?»* (Вс. Иванов, 1921в, с. 3). Этим вопросом автор-публицист и сегодня побуждает читателя к раздумьям в глобальном социокультурном контексте.

Позднее, уже в эмиграции, Иванов продолжил этот очерк путешествием по выдающимся достопримечательностям Пекина: Богдыханскому дворцу, музею Пекина.

В главе «В Богдыханском дворце» Иванов словно экскурсовод-профессионал уводит читателя от бурь современности в мир красоты и вечных ценностей: *«Красные, лакированные ворота богдыханского дворца раскрывают свои створы, пропуская нас в заповедные поля бывшего, которые обнажила теперь незнающая удержу рука революции»* (Вс. Иванов, 1931, с. 156). Революция, подчеркивает Иванов, принесла не только разрушения, но и открыла новые горизонты для дальнейшего, поступательного развития мира, ускорила интеграционные, взаимно обогащающие процессы между западом и востоком. Журналист воссоздает олицетворяемую этим дворцом картину устойчивого мироздания, исполненного верой в силу добра и красоты: *«...внизу плещется море, простерлась правильными завитками пахотная земля, острыми пиками поднимаются горы, а выше, в крутящихся облаках, в лучах солнца, среди планет живет основа всего — Голубое Небо, сам вечный дракон. И дворец богдыхана — как небесное жилище Сына Неба»* (Вс. Иванов, 1931, с. 158).

В следующей главе, «В музее Пекина», внимание Иванова привлекают изготовленные из драгоценных камней образы природы (цветы, дерева, грибы и др.), *«отвечающие китайскому духу: — Не на них ли почил дух долголетия? Ведь эти цветы — вечны!»* (Вс. Иванов, 1931, с. 160). Фарфор, являющийся вторым предметом искусства в этом музее, насчитывающий семь эпох, автор очерка описывает как тонкий ценитель красоты, передавая переживаемое им потрясение: *«О, сколько наслаждения таят они (вазы из фарфора. — С. Я.) для эстета и для знатока, сколько радости может найти он в различении хотя бы красок»* (Вс. Иванов, 1931, с. 160). Своим восторгом перед изысканностью, которая *«пронизывает китайскую жизнь всюду»*, *«которой может поучиться и наше*



время», Иванов-журналист укрепляет связь эпох и культур (Вс. Иванов, 1931, с. 161).

Вторую редакцию очерка «Пекин» Иванов представил на суд своих соотечественников в 1931 году в эмигрантском журнале с символическим названием «Багульник» (по имени растения, особо почитаемого в Маньчжурии и начинающего цвести первым). Журналист Вс. Н. Иванов открывает читателю-соотечественнику азиатскую гармонию жизни, жизнеутверждающее миропонимание через описание природы и быта Китая. Словно продолжая свое путешествие в Китай 1920 года, автор дорисовывает картину востока своим, новым «маслом».

### **Заключение**

Ориентализм как идейно-художественный концепт творчества писателя, мыслителя и журналиста Вс. Н. Иванова, цементируя его универсальное писательское и журналистское наследие, ярко иллюстрирует органическую преемственность и устойчивую системность интереса русской культуры и литературы к одной из древних и богатых культур мира, способствует выявлению в ней глубинных общечеловеческих идеалов и ценностей [Мелихов, 1997].

Вс. Н. Иванов осознанно взял на себя миссию просветителя и популяризатора, подвижника истории и культуры древнего и мудрого востока в глобальное культурное пространство во имя будущего процветания России и человечества в целом. Как журналист и поэт, увлеченно и художественно убедительно освещая жизнь народа востока в ее частных и конкретных проявлениях, Иванов и сегодня своими произведениями побуждает читателей-соотечественников к знакомству со словесной культурой востока, обнаруживающей свою все возрастающую социокультурную значимость и ценность.

### **Библиографический список**

Кириллова Е. О. Ориентальные темы, образы, мотивы в литературе русского зарубежья Дальнего Востока (Б. М. Юльский, Н. А. Байков, М. В. Щербаков, Е. Е. Яшнов). Владивосток, 2015.

Мелихов Г. В. Российская эмиграция в Китае (1917–1924). М., 1997.

Печерица В. Ф. Духовная культура русской эмиграции в Китае. Владивосток, 1999. URL: <http://russianemigrant.ru/collection/pecheritsa-v-f-duhovnaya-kultura-russkoy-emigratsii-v-kitae-vladivostok-1999>.

Раев М. Россия за рубежом: История культуры русской эмиграции 1919–1939. М., 1994. URL: <https://www.ozon.ru/product/rossiya-za-rubezhom-istoriya-kultury-russkoy-emigratsii-1919-1939-3763378/?sh=Gw2-A3Va>.

Струве Г. «Поэма еды» Вс. Иванова // Россия и славянство. Париж, 1928. 22 дек.

Цзяо Ч. Русский литературный Харбин 1920–1930-х годов. Иваново, 1994.

Штейн Э. Журналы русского Китая // Знамя. 1990. № 5. С. 231–236.

Якимова С. И. Литературно-художественная критика русского зарубежья Дальнего Востока в историко-культурном контексте. Хабаровск, 2016.

Якимова С. И. Универсализм и полидисциплинарность творчества писателя-мыслителя Вс. Н. Иванова (к 130-летию со дня рождения) // Грамота. 2018. № 11 (89). Ч. 2. С. 268–273. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/universalizm-i-polidistsiplinarnost-tvorchestva-pisatelya-myslitelya-vs-n-ivanova-k-130-letiyu-so-dnya-rozhdeniya/viewer>.

Якимова С. И. Филологические аспекты интеграционных процессов межкультурной коммуникации литературы и журналистики русского зарубежья Дальнего Востока в контексте традиций Серебряного века // Грамота. 2012. № 6 (17). С. 218–222. URL: <https://www.gramota.net/materials/2/2012/6/53.html>.

### Список источников

Иванов Вс. Н. Голубой дракон // Русский край (Владивосток). 1921а. № 137.

Иванов Вс. Н. Дело человека: Опыт философии культуры. Харбин, 1933.

Иванов Вс. Н. Исход: Повествование о времени и о себе // Дальний Восток (Хабаровск). 1995. № 1. С. 3–87. URL: <http://east-front.narod.ru/memo/ivanov.htm>.

Иванов Вс. Н. Китайцы // Русский край (Владивосток). 1921б. № 137. Литературно-художественное приложение.

Иванов Вс. Н. Мы: Культурно-исторические основы русской государственности. Харбин, 1926.

Иванов Вс. Н. Пекин: очерк // Русский край (Владивосток). 1921 в. № 137.

Иванов Вс. Н. Пекин // Багульник (Харбин). 1931. Кн. 1.

Иванов Вс. Н. Повествование о времени и о себе: Юность и свобода // Дальний Восток (Хабаровск). 1987. № 7. С. 32–57.

Иванов Вс. Н. Сумерки // Врата (Шанхай). 1934а. Кн. 1.

Иванов Вс. Н. Харчёвка // Врата (Шанхай). 1934б. Кн. 1.

Иванов Вс. Н. Японские стихи // Русский край (Владивосток). 1921. № 137.

### References

Kirillova Ye. O. *Oriental'nyye temy, obrazy, motivy v literature russkogo zarubezh'ya Dal'nego Vostoka* (B. M. Yul'skiy, N. A. Baykov, M. V. Shcherbakov, Ye. Ye. Yashnov). [Oriental themes, images, motives in the literature of the Russian Diaspora of the Far East (B. M. Yulsky, N. A. Baikov, M. V. Shcherbakov, E. E. Yashnov)]. Vladivostok, 2015.

Melikhov G. V. *Rossiyskaya emigratsiya v Kitaye (1917–1924)* [Russian emigration in China (1917–1924)]. Moscow, 1997.

Pecheritsa V. F. *Dukhovnaya kul'tura russkoy emigratsii v Kitaye*. [Spiritual culture of the Russian emigration in China]. Vladivostok, 1999. URL: <http://russianemigrant.ru/collection/pecheritsa-v-f-duhovnaya-kultura-russkoy-emigratsii-v-kitae-vladivostok-1999>.

Rayev M. *Rossiya za rubezhom: Istoriya kul'tury russkoy vnešney emigratsii 1919–1939*. [Russia Abroad: The History of the Culture of the Russian Emigration 1919–1939]. Moscow, 1994. URL: <https://www.ozon.ru/product/rossiya-za-rubezhom-istoriya-kul'tury-russkoy-emigratsii-1919-1939-3763378/?sh=Gw2-A3Va>

Struve G. “*Poema yedy*” Vs. Ivanova. [“The Poem of Food” розничной Vs. Ivanova]. In: *Rossiya i slavyanstvo*. [Russia and Slavism]. Parizh. 1928. December 22.

TSzyao CH. *Russkiy literaturnyy Kharbin 1920–1930-kh godov*. [Russian literary Harbin 1920–1930s]. Ivanovo, 1994.

Shteyn E. *Zhurnaly russkogo Kitaya*. [Journals of Russian China]. In: *Znamya*. [Banner]. 1990. No. 5. P. 231–236.

Yakimova S. I. *Literaturno-khudozhestvennaya kritika russkogo zarubezh'ya Dal'nego Vostoka v istoriko-kul'turnom kontekste*. [Literary and artistic criticism of the Russian emigration of the Far East in a historical and cultural context]. Khabarovsk, 2016.

Yakimova S. I. *Universalizm i polidistsiplinarnost' tvorchestva pisatelya-myslitelya Vs. N. Ivanova (k 130-letiyu so dnya rozhdeniya)*. [Universalism and polydisciplinarity of creativity of the writer-thinker Vs. N. Ivanova (to the 130th anniversary of his birth)]. In: *Gramota*. [Gramota]. 2018. No. 11 (89). Part. 2. P. 268–273. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/universalizm-i-polidistsiplinarnost-tvorchestva-pisatelya-myslitelya-vs-n-ivanova-k-130-letiyu-so-dnya-rozhdeniya/viewer>.

Yakimova S. I. *Filologicheskiye aspekty integratsionnykh protsessov mezhkul'turnoy kommunikatsii literatury i zhurnalistiki russkogo zarubezh'ya Dal'nego Vostoka v kontekste traditsiy Serebryanogo veka*. [Philological aspects of the integration processes of intercultural communication of literature and journalism of the Russian diaspora of the Far East in the context of the traditions of the Silver Age]. In: *Gramota* [Gramota]. 2012. No. 6 (17). P. 218–222. URL: <https://www.gramota.net/materials/2/2012/6/53.html>

### List of sources

Ivanov Vs. N. *Goluboy drakon*. [Blue Dragon]. In: *Russkiy kray* [Russian edge]. Vladivostok. 1921a. No. 137.

Ivanov Vs. N. *Delo cheloveka: Opyt filosofii kul'tury*. [Human Business: Experience of the Philosophy of Culture]. Kharbin, 1933.

Ivanov Vs. N. *Iskhod: Povestvovaniye o vremeni i o sebe*. [Exodus: A Story about Time and Oneself]. In: *Dal'niy Vostok*. [Far East]. Khabarovsk. 1995. No. 1. P. 3–87. URL: <http://east-front.narod.ru/memo/ivanov.htm>

Ivanov Vs. N. *Kitaytsy*. [Chinese]. In: *Russkiy kray*. [Russian edge]. Vladivostok. 1921b. No. 137.

Ivanov Vs. N. *My: Kul'turno-istoricheskiye osnovy russkoy gosudarstvennosti*. [We: Cultural and Historical Foundations of Russian Statehood]. Kharbin, 1926.

Ivanov Vs. N. *Pekin*. [Pekin]. In: *Russkiy kray*/ [Russian edge]. Vladivostok. 1921v. No. 137.

Ivanov Vs. N. *Pekin*. Vs. N. *Ivanov*. [Beijing. Sun. N. Ivanov]. In: *Bagul'nik*. [Ledum] Kharbin. 1931. Kn. 1. P. 152–165.

Ivanov Vs. N. *Povestvovaniye o vremeni i o sebe: Yunost' i Svoboda*. [Narration about time and about oneself: Youth and freedom]. In: *Dal'niy Vostok* [Far East]. Khabarovsk. 1987. No. 7. P. 32–57.

Ivanov Vs. N. *Sumerki*. [Twilight]. In: *Vrata* [Gates]. Shankhay. 1934a. Kn. 1.

Ivanov Vs. N. *Kharchovka*. [Kharchevka]. In: *Vrata*. [Gates]. Shankhay. 1934b. Kn. 1.

Ivanov Vs. N. *Yaponskiye stikhi*. [Japanese poetry]. In: *Russkiy kray*. [Russian edge]. Vladivostok. 1921. No. 137.